

Александра Пивоварова

Латышская этнократия: иллюзии и возможности

В современном мире имидж и репутация государства являются ключевыми элементами стратегического публичного капитала. Уровни развития человеческих ресурсов, качества политической системы, культурно-исторические особенности определяют имидж страны, формируют ее инвестиционную привлекательность[1]. В связи с этим имидж можно рассматривать как набор определенных качеств, которые ассоциируются с конкретным объектом, в данном случае - с государством. Если говорить об имидже Латвии, то эта страна за рубежом - в том числе в России - зачастую ассоциируется с нацистскими шествиями, территориальными спорами, идеологическими процессами, парадами гомосексуалистов, секс-туризмом, а так же жесткой пронационалистической внутренней политикой.

Этот образ далек от образа демократического государства, поскольку демократия и национализм являются взаимоисключающими политическими принципами. С точки зрения демократии нация рассматривается как политическая общность граждан; с точки зрения национализма - как общность, образовавшаяся по этническому, культурному, религиозному и тому подобным признакам.

Таким образом, нация выступает в двух измерениях - в качестве субъекта суверенитета и в качестве субъекта идентичности. Именно здесь и коренится возможность национализма - в подмене проблематики суверенитета проблематикой идентичности[3].

На официальной этнологической карте Латвии до сих пор мы видим два элемента - «латышская нация» и «этнические меньшинства», а национализм призван защищать интересы только «латышской государственности»[2].

Это диссонирует с тем фактом, что полиэтничное латвийское общество обязано своим возникновением отнюдь не быстротечным миграционным процессам. В восточной части Латвии русские, латыши, белорусы, поляки, евреи, литовцы сосуществовали веками, обходясь при этом без этнических конфликтов. Поэтому разумно было бы опираться на политику мультикультурализма, которая широко сейчас развивается, например, в Канаде. Принципы мультикультурализма и мультилингвизма характерны и для Европы. Двигаться в этом направлении намного перспективнее (в том числе и с точки зрения имиджа государства на международной арене), чем стремиться к тому, чтобы представитель каждой

этнической группы осознал историческую вину своих предков и взял на себя ответственность за их правление.

Совершенно понятно, что в многоэтническом латвийском обществе, государственная, политическая идентичность социально более значима, чем этническая идентичность, а общие гражданские интересы доминируют над интересами этнических групп, как это акцентирует современная этнология. В государственной политике (законодательстве) тем не менее доминирует противоположная тенденция, которая отражает стремление к унифицированной латышской идентичности и стимулирует ассимиляцию[2].

Так, Институт Латвии, призванный, помимо прочего, заниматься и имиджем государства, одним из приоритетов своей деятельности считает создание единой официальной государственной идентичности.

В июле 2000 года правительство Латвии утвердило государственную программу "Интеграция общества в Латвии". В первом варианте этого документа в качестве цели государственной политики декларировалось "создание стабильного мультикультурного, мультилингвистического общества". Однако в окончательном тексте остались только невнятные рассуждения об интеграции и толерантности, суть которых сводится к тому, что прямых репрессий по национальному принципу, скорее всего, не будет[5].

Министр культуры Хелена Демакова, критикуя первоначальный вариант государственной программы интеграции, в котором указывалось, что жителей Латвии можно консолидировать на базе многообразия культур, в интервью газете «Латвияс Авизе» заявила: «Будущее Латвии возможно только в том случае, если мы будем опираться на латышский язык, наши национальные символы. Что такое латышская идентичность? Мы думали в министерстве о создании так называемого канона латышской культуры. Надеюсь, что когда-нибудь на экзамене по натурализации появятся вопросы из канона латышской культуры – о латышскости. Признание мультикультурализма является отрицанием факта оккупации. Если культурам иммигрантов дать те же права, что и культуре коренной нации, это будет противоречить идеологии страны».

Но, когда через четыре месяца социологи провели опрос среди граждан (1004 респондента) и неграждан (1005 респондентов) Латвии на тему, каким они хотят видеть латвийское общество - открытым культурному многообразию, двухобщинным (латыши и русскоязычные) или однообщинным (латышским), выяснилось, что государственный курс поддерживает не такая уж большая часть населения. Результаты опроса показывают, что культурный или языковой вопрос

расколлот граждан, подавляющее большинство которых составляет коренное латышское население (за культурную полифонию - 44%, за доминирование латышской культуры - 38%)[5].

Если главу угла ставится не законопослушность и добросовестный труд на благо общества, а соответствие или несоответствие человека «национальному канону», то стоит ли удивляться, что в европейской стране существуют «неграждане» - то есть люди, имеющие юридическую связь с данным государством, а не лица без гражданства вообще.

Ясно, что следование подобной идеологии только негативно отражается на имидже страны и влечет за собой как внутренние, так и внешнеполитические проблемы. Нет ничего странного в том, что такая внутренняя политика Латвии, где более 30% населения - русскоязычные, воспринимается Россией как провокация, поскольку подобные политические действия вызваны зачастую не объективной необходимостью укрепления суверенитета, обеспечения экономической безопасности и т.д., а неприятием «оккупантов» (многие из которых, кстати, в январе 1991 года на баррикадах защищали независимость Латвии).

Отдельные латвийские ученые утверждают, что рано или поздно придется провести границу между «нами» и «другими». Такая граница, якобы, неизбежна в любом современном обществе. Для латышей эта граница означает следующее:

- 1) только «наши» живут в пределах латвийского государства,
- 2) основополагающие принципы «наших» - это «демократия, латышский язык, законность, свобода и национальная государственность»,
- 3) «мы» тем не менее можем быть терпимыми к «другим», если они признают господство «наших» основополагающих принципов в Латвии[2].

На этом фоне мультикультурализм является своеобразным выражением самоутверждения человека. Провозглашая, что «другие» не хуже, чем «мы», и «другие» заслужили такие же права, как и «мы», люди отказываются от своей избранности и свидетельствуют о своей толерантности по отношению к людям другой расы, языка, культуры, религии[4].

Формирование в Латвии этнократического политического режима привело к тому, что значительная часть латышского населения имеет этнократическое сознание, основанное на ложном представлении о том, что этнократическая (латышская) Латвия - это и есть демократическая Латвия. Негативным следствием воплощения этнократических идей стали также раскол общества по этническому и идеологическому признакам, искусственные препятствия для формирования

гражданского общества и интеграции, экономические и демографические проблемы, политическая нестабильность и т.д.

В свое время с этим был согласен Артис Пабрикс, экс-министр иностранных дел Латвийской Республики, который говорил: «Могу утверждать, что нынешний латвийский Закон о гражданстве, а также практика образовательной системы лишают послевоенных иммигрантов возможности интеграции... Если государство не способно всем жителям предоставить равные права, то этому государству суждено расколоться»[7].

В конечном итоге, политика этнократии в Латвии отрицательно влияет и на имидж государства в мире, а также способствует ухудшению отношений в первую очередь с Россией. Эту утопическую направленность на строительство «латышской Латвии» необходимо скорректировать.

Задача такой коррекции - снять обвинения со стороны ПАСЕ, ОБСЕ и ООН в том, что в стране существует «долговременный дефицит демократии», распространены антисемитизм и ксенофобия, и укрепить демократический имидж государства, сохранив при этом позиции правящей элиты фактически неизменными[6]. Кроме того, демократические принципы строительства государства сегодня необходимо предпочесть этнократической позиции, чтобы способствовать восстановлению взаимовыгодных отношений с Россией. Это позволит Латвии не только сохранить суверенитет, консолидировать латвийское общество, выглядеть политически респектабельно, но и обеспечить достойный уровень жизни своему населению в условиях глобализации.

Литература:

1. Галумов Э. Имидж против имиджа. - Москва, 2005. С. 25.
2. Приедитис А. Мультикультурализм и перспективы демагогии // <http://www.spidolastelpa.narod.ru/stat1.htm>
3. Малахов В. Существует ли демократический национализм. - Русский Журнал. - 12 февраля 1998 г. // <http://old.russ.ru/journal/peresmot/98-02-12/malah.htm>
4. Priedītis A. Kultūru dialogs: interkulturālās komunikācijas vēsture un teorija. - Rīga, 2006. С. 193
5. Серова Н. Другая Латвия // Русский журнал. - 31 мая 2005 г. // http://www.russ.ru/stat_i/drugaya_latviya
6. Гущин В. Угрозы этнократии // <http://shh.neolain.lv/seminar14/gusin.ugrozi.htm>
7. http://www.chas-daily.com/win/2004/07/12/l_007.html?r=30&printer=1&

